

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ИДТИ СВОЕЙ ДОРОГОЙ

РАБОТА НАД ВЕЛИКИМ ОБРАЗОМ

Редакционно-издательский отдел Всероссийского театрального общества готовит книгу одного из интереснейших вахтанговцев, народного артиста СССР Николая Сергеевича Плотникова «Актёр и его работа». В книге оживают страницы воспоминаний артиста о встречах с замечательными деятелями советского театра: Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко, Рубеном Николаевичем Симоновым, Борисом Васильевичем Щукиным и другими.

Но с особенным волнением воспринимаешь воспоминания актёра о его причастности к созданию образа великого вождя революции — Владимира Ильича Ленина.

Рассказывает Н. ПЛОТНИКОВ.

На съёмках картины «Ленин в 1918 году» я познакомился с Борисом Васильевичем Щукиным, который начал уговаривать меня пойти в Театр Вахтангова. Я согласился. Ис 1938 года работаю в нашем театре...

Я практически изо дня в день видел Щукина в театре, на репетициях, спектаклях — одним словом, в деле.

Во время работы над картиной «Ленин в 1918 году» я узнал его особенно близко. К тому времени Борис Васильевич уже воплотил образ вождя в спектакле Театра имени Евг. Вахтангова «Человек с ружьём».

Счастлив, что мне довелось быть свидетелем его поразительного труда на съёмочной площадке. Какая это была требовательность к себе! Он чутко прислушивался к замечаниям режиссера, но всегда добивался самостоятельного, собственного решения. Он никогда, кажется, не оставался доволен достигнутым.

Иногда Михаил Ильич Ромм внезапно давал команду: «Стоп! Съёмка окончена!» Режиссер видел: Щукин устал. Но сам артист слово «устал», по-моему, вовсе не признавал. Мы часто уезжали домой вместе, и в машине он продолжал думать над ролью, оспаривать самого себя, искать пути для завтрашней работы. Только однажды он обнял меня и сказал: «Если бы вы только знали, как мне трудно!» На глазах у него были слезы.

Несколько лет я руководил в ГДР театром Группы советских войск. И там мы поставили «Незабываемый 1919-й», где я сыграл роль Ленина, который, правда, появлялся всего на несколько минут и произносил всего несколько слов.

Когда я вернулся в Москву, то показал Рубену Николаевичу Симонову фотографию — я в роли Владимира Ильича. Режиссер посмотрел внимательно и неожиданно сказал:

— Будем возобновлять «Человека с ружьём». Вы будете играть роль Ленина...

Я испугался:

— Что вы, что вы... После Щукина... Я не могу. Боюсь!

Та деликатность, которая была проявлена Симоновым по отношению ко мне во время работы над созданием этого образа, незабываема. Вспоминаю, как тонко, изысканно, сердечно, доброжелательно, стараясь ничем не огорчить, помогал мне Рубен Николаевич. Да и весь коллектив театра относился ко мне удивительно внимательно.

Образ этот не похож ни на один другой. Мой прошлый опыт мне ничего не подсказывал. Я не знал, как следует играть эту роль.

Я знакомился с литературой о Ленине, изучал его работы, занимался этим много, настойчиво. Помогли публицистические, полемические статьи Владимира Ильича. Благодаря им я ощутил самое, как мне казалось, главное, что понадобилось для раскрытия образа, — темперамент великого вождя, силу его убежденности.

Знакомился с картинами, рисунками, скульптурами, изображавшими В. И. Ленина, и, конечно же, больше всего с его фотографиями. Пожалуй, нет ни одного из известных снимков, в который бы я не вглядывался часами, стараясь запомнить, вобрать в себя, сделать привычными, своими характерные ленинские позы, жесты, повороты и наклоны головы, фигуры. Бесчисленное количество раз смотрел я в Центральном музее В. И. Ленина кинохронику, запечатлевшую Владимира Ильича, слушал пластинки с записями его выступлений. Неоднократно записывал на магнитофон свой голос, добиваясь его максимального приближения к звучанию ленинской речи.

Наше актерское дело таково, что все эмоции, возникшие в тебе, нужно облечь в определенную форму. Проверить, верна ли она, эта форма. Вот почему я решил посоветоваться с теми, кто встречался с Лениным, кто с ним работал. Долгие дни я беседовал с Лидией Александровной Фотиевой — секретарем Владимира Ильича.

Мне чрезвычайно важно было узнать, казалось бы, чисто внешние приметы, которые помогли бы мне ярче воплотить ленинский характер. Лидия Александровна рассказывала, как, ведя какое-либо заседание, Владимир Ильич стоял за столом, делал пометки карандашом, держа его почти вертикально. Картавил мягко, в некоторых словах чисто выговаривал «р». Никогда ему в кабинет не принесли еду. Если показывали или рисуют Ленина прихлебывающим у себя в кабинете чай из стакана, то это неправда.

После того, как Фотиева посмотрела Щукина в роли Ленина, она сказала: «Владимир Ильич был трепетный в смысле восприятия, но не суетливый». У Щукина в первом фильме Ленин был, по моему мнению, слишком порывист, что ли, несколько даже суетлив, и она сказала, что этого делать нельзя. То же говорил мне позднее и Глеб Максимилианович Кржижановский. Он буквально повторил то, что говорила Фотиева. Их высказывания очень помогли мне в работе.

Наконец премьера. Ленин появляется на сцене во второй картине второго акта. Прохожу за кулисы, товарищи уступают дорогу. И вдруг все заслонила одна мысль: я играю Ленина! За всю свою жизнь я, вероятно, никогда не испытывал такого волнения.

Мой выход!.. Взял себя в руки и быстрыми шагами пошел на сцену. Не успел дойти до ее середины, как в зрительном зале грянула буря аплодисментов. Я на мгновение замер, чтобы переждать...

Родные мои, дорогие зрители! Знаете ли вы, как в этот момент вы поддерживали меня своими приветствиями? Я ощутил прилив смелости, силы, творческого покоя и вместе с

тем почувствовал себя свободным и просто.

Однажды в театре мне сообщили, что Г. М. Кржижановский просил меня позвонить ему. Звоню. Глеб Максимилианович, посмотревший «Человека с ружьём», приглашал нас с женой к себе.

Мы сидели за столом, за которым разрабатывался план ГОЭЛРО, в комнате, где бывал Владимир Ильич. Как замороженные слушали рассказы Кржижановского о Ленине.

Потом заговорили о спектакле. Для меня было очень важно услышать из уст одного из ближайших соратников Ленина, что я верно передал не только «схожесть» (как он выражался) с ленинскими движениями, но и «схожесть» внутреннюю, проявившуюся в общении с людьми, в умении их слушать, в юморе. Я был потрясен его словами, которые позволили себе здесь привести:

— Когда в пьесе комиссар сказал Ленину: «А я почему знаю», — тут я увидел живого Ленина...

Потом мы не раз беседовали с Г. М. Кржижановским, и это помогало мне в моей дальнейшей работе над образом Ленина.

В день моего 60-летия, которое отмечалось в Театре имени Вахтангова, Г. М. Кржижановский прислал письмо. Вот оно: «12 декабря 1957 года».

Дорогой Николай Сергеевич! Очень и очень жалею, что болезнь держит меня пленником моей квартиры и не позволяет принять непосредственное участие в вашем юбилее. А мне так хотелось бы сказать Вам в этот знаменательный для Вас день, что я по-прежнему стою на том, что именно Вам, более чем кому-нибудь из артистов, удалось приблизиться к живой передаче самого существа Владимира Ильича.

Я не могу без особого волнения смотреть на Ваши воплощения в Владимира Ильича — так все в них жизненно и правдиво.

Держитесь смелее этой великой правды в работе над образом чудеснейшего из людей... И да будет Вашим девизом — девиз великого флорентийца: «Иди своей дорогой, и пусть люди говорят что им угодно». Крепко, братски целую Вас и желаю максимальных успехов на Ваших творческих и житейских путях.

Ваш Г. Кржижановский.

Но разве мог бы я справиться с такой ответственной и важной ролью без помощи и советов Рубена Николаевича!

...Когда Ефим Львович Дзиган предложил мне познакомиться с ролью В. И. Ленина в широкоэкранном фильме «Пролог», над которым он в 1956 году начинал работу, то я, признаться, сначала не очень поверил в реальность этого — ведь для участия в пробах из различных театров страны было вызвано около 50 артистов, имевших опыт исполнения роли В. И. Ленина. Но в результате именно на мою долю выпала эта трудная и прекрасная задача.

Однако весь мой предыдущий опыт работы над образом В. И. Ленина, все предшествовавшие усилия отнюдь не облегчали задачи, стоявшей передо мною в фильме «Пролог»: в спектакле я играл Ленина 47-летнего, а в фильме, действие которого происходит в 1905 году, Владимиру Ильичу 35 лет.

Поиск начался с первых же шагов — с грима. Каким внеш-

не был Ленин тридцатипятилетний? После долгих бесед с режиссером мы пришли к убеждению, что внешний облик Ильича в нашем фильме должен быть близок к тому, который широко известен и любим народом, — к ленинским портретам 1917 года и первых послереволюционных лет.

В практике актёра бывают порой дни, когда сам диву даешься: откуда что взялось? Когда ты «дотронулся» до образа? Как он в тебе возник? Едва ли об этом тончайшем процессе можно рассказать. Интерес к своей профессии, вероятно, и состоит в том, чтобы пытаться всю жизнь понять, когда и отчего у тебя происходит «скачок» в понимании и ощущении роли. Это чудеснейшее творческое состояние. Но оно не возникает само по себе. Необходимо упорно искать и добывать нужное самочувствие.

Работая над образом Ленина в кино, я еще раз вдруг ощутил, как недостаточен мой театральный опыт, как мало мне было всего того, что я знал.

И мне захотелось снова посетить ленинские места. Я опять был в Горках, в Смольном, в кремлевском кабинете, в квартире Владимира Ильича... Мне захотелось еще раз увидеть те вещи, которые держал в своих руках, Ленин. Я трогал, пупал их. Я старался приучить себя думать ленинскими словами, по-настоящему проникнуться ими. Это длительный, кропотливый процесс, требующий терпения, а главное — интереса к этому процессу.

Образ Ленина никогда не может быть сделан актером до конца. Его можно только совершенствовать, непрестанно и упорно работая.

Я «встречался» с Лениным не раз. В разное время своей творческой биографии. В разные годы жизни Владимира Ильича.

Организаторами этих «встреч» были разные режиссеры. Это чрезвычайно важное обстоятельство. Ибо каждый актер — есть некая равнодействующая тех влияний, которые оказывают на него постановщики фильмов и спектаклей. И естественно, что Рубен Симонов и Николай Погодин настаивали на такой трактовке образа Ленина, которая отличалась от того, каким видели этот образ Ефим Дзиган и Александр Штейн, а взгляды Дзигана не совсем совпадали со взглядами его коллеги Ромма.

Снимаясь много лет назад в фильме «Ленин в 1918 году», я видел, как трудно приходилось Щукину, но по-настоящему понял всю адскую сложность этой работы только позже, когда сам стал исполнять эту роль.

...Играя наших современников, я часто вспоминал Ленина. В каждом настоящем коммунисте живет «частица» Ильича. Разве профессору Синцову из фильма «Девять дней одного года» не присуща доходящая до полного самоотречения увлеченность делом своей жизни? А Ниточкин из картины «Твой современник»? Не отличаются ли его благородство, доброта, принципиальность? А душевная чуткость, заботливое внимание к молодежи командира папающего экскаватора Сердюка из спектакля «Иркутская история»?...

Не сомневаюсь, что прикосновение к образу вождя революции душевно обогатило не только меня, но и каждого актёра, которому выпало такое счастье.